

Юрий Александрович ВЕДЕНИН родился 23 августа 1937 года в интеллигентной московской семье: отец – архитектор, мать – художник. По призванию поступил в Московский лесотехнический институт. Мечтал стать лесоводом, однако увлекся парковой реставрацией, работал в Муранове, Яропольце, на Бородинском поле. В Институте географии АН СССР возглавлял отдел географии культуры. С момента основания (1992 г.) работает директором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, один из авторов концепции «Культурный ландшафт как объект наследия».

Юрий Александрович, сейчас много говорят о том, что и культурное, и природное наследие в России утрачено; состояние естественных, исторических памятников критическое. Вы согласны?

– Разумеется, это преувеличение. Ведь для людей, которые занимаются изучением и сохранением наследия, потеря каждого строения, парка, кургана – огромная трагедия, которая нередко преломляется в гиперболу. Исчезло действительно очень многое. В 30-е, 60-е годы в средней полосе и на Русском Севере уничтожено множество ценнейших архитектурных памятников. Процесс, увы, продолжается и сегодня, причем в последнее время научились одновременно разрушать и создавать новоделы. Уничтожив, скажем, барочный дворец XVII века, на его месте строят новый, наивно считая, что он лучше доносит культуру того времени.

Идет планомерное разрушение брошенных памятников, потерявших хозяина, в первую очередь усадебных комплексов. Когда-то мы возмущались, что усадьбы используются не по назначению, когда там, например, возник дом отдыха: мол, строятся новые корпуса,

тов и окружения: моря, камней, дамбы, холмов...

Можно уничтожить историческое здание, не трогая его: достаточно изменить окружение, и памятник перестанет существовать, как, например, церковь Симеонова-Столпника на Новом Арбате! Все это касается и городской застройки, и сельского, и природного ландшафта. А музеи под открытым небом – по сути кладбища памятников! Шедевры и рядовые постройки здесь вырваны из естественного контекста, это макеты в натуральную величину.

То есть природа как бы провоцирует появление памятников в определенных точках?

– Очень часто. Но я хотел бы сказать и другое: природное наследие также нельзя сохранить без традиционной культуры. Ошибка – попытка сберечь природный объект, изгнав оттуда человека с его повседневной деятельностью: ведь он столетиями обитал там, и природа как бы жила вместе с ним. Если человек уходит, изменяется и природа. Вот почему так важно создание национальных парков, где сохраняется традиционное природопользование. Вот пример: в природной водной системе Кенозеро всегда ло-

часть деревьев исчезла. Есть варианты сохранения полей в таком национальном парке. Социальные меры – помощь населению в выживании, организации обслуживания туристов, возрождение народных промыслов... Еще прием: скашивать траву не для скотины, а чтобы сохранить объект наследия. Делает это местный лесхоз, который по идее должен выращивать лес.

Еще задача: паспортизация памятников культуры. Казалось бы, обычная работа. Но наш подход в том, что в первую очередь фиксируем, как расположена, скажем, церковь в ландшафте, ищем видовые точки и определяем, где это уже

– Мне такие неизвестны. Есть множество институтов, которые исследуют культурное и природное наследие в отдельных его отраслях, а мы декларируем единство культуры и природы. Наш диапазон – от практических исследований до законодательства.

В США существует Служба национальных парков, которой подчинены как сами парки, так и исторические территории. Это не исследовательский институт, как у нас, но я мечтал бы, чтобы на федеральном уровне у нас сложилась такая же структура. В Норвегии, как и в ряде других стран, есть, например, департамент по охране культурного наследия,

работавших в разных отраслях. Я, например, пришел из Института географии АН СССР, где проработал свыше двадцати лет. Вначале нас объединила системная идея сохранения наследия – модель нашего института, которую мы придумали. Институт – результат творчества людей разных профессий. В этом, кстати, есть и свои минусы: нам трудно создать свой научный совет, поскольку не хватает специалистов по конкретным специальностям. Не существует и отраслевого вуза, который готовил бы профессионалов для нашей отрасли, хотя можно это делать в форме постуниверситетского образования.

ЗАПОВЕДНИК НАЧИНАЕТСЯ... С ЗАПОВЕДИ

происходит перепланировка парков и т.д. Сейчас эти структуры ушли из старых усадеб, а те, оказавшись пустыми, за какие-нибудь пять-десять лет полностью разрушились. Так исчезли поместья Павлицев Бор в Калужской области, Высокое – в Смоленской...

В последние годы на смену идеологическому принципу разрушения памятников пришли экономические. Мне это представляется более страшным, поскольку исторический памятник заменяется, как говорилось, новоделом, и постепенно старая, например, Москва превращается в город из «древних» зданий, ничего общего ни с историей, ни со стариной не имеющих. В провинции старинные деревянные дома на участках, где земля дорогая, просто сжигают.

А теперь поясню, что понимается под сохранением природного и культурного наследия в нашем институте. Нас интересуют прежде всего исторические территории, культурные ландшафты, города как целостные ансамбли, а не только отдельные памятники. Причем сферой нашего интереса может быть не только усадебный, но и обычный традиционный российский крестьянский ландшафт, как, например, в Кенозерском заповеднике в Архангельской области. Это тоже объект наследия.

Многие годы дискутируется проблема, что же является культурным наследием. Как бы вы ответили на этот вопрос?

– Наследие – не только недвижимые памятники, но и природные объекты, и традиционные формы природопользования (бортичество, ловля рыбы, способы метания стогов на лугах). Это и фольклор, и художественные промыслы, и обряды, и обычаи. То есть наследие включает широкую палитру человеческой деятельности и природных явлений. Наследие не может существовать без окружающей среды. При этом среда – не только визуальное, но и звуковое понятие. Фольклор старообрядцев в Забайкалье внесен, например, в списки культурного наследия. Часто природная среда определяет существование памятника культуры: Соловки, например, – комплекс монастырей, ски-

вили рыбу неводами. А когда это запретили, озера начали зарастать. Неводы соскабливали ил, водную растительность – так чистились каналы, и длилось это веками. Когда сохраняется территория не как кусок поверхности земли, а со свойственной ей растительностью, постройками, фольклором, всем, что является характерным для людей, которые там обитают, – сберегается территориальный комплекс, включая и дух места.

Вот такие территории и оказываются объектом нашего изучения и сохранения. Они объединяются понятием «культурный ландшафт», как продукт сотворчества человека и природы. Это и есть объект наследия, признанный ЮНЕСКО.

Существует, скажем, парк, сельский, городской уголок... Какова тактика их сбережения?

– Мы даем рекомендации, как сохранить в условиях современной жизни тот или иной культурный ландшафт, как реставрировать его и при этом не превратить в засушенный экспонат.

Известно, например, Бородинское поле, связанное с событиями 1812 года. Самое ценное, что там есть – ландшафт, на котором происходили боевые действия: холмы, где находились ставки Кутузова и Наполеона, батарея Раевского, поле, кусочек леса, обрыв... Баграгионовы флешы – искусственные сооружения, но они шли вдоль долины реки, и сама долина становится памятником истории. Есть там и монументы, установленные к столетию сражения, но это лишь знаки, указывающие на точки ландшафта, который остается главным памятником.

При реставрации всегда возникает вопрос «временной точки». Ведь полностью все вернуть назад нельзя, природа необратимо видоизменяется. Поле зарастает, и пропадает вид на какую-нибудь историческую значимую точку. Тогда мы ищем способы, как открыть этот вид, скажем, прорубив просеку. Именно в этом смысловая попытка сохранить историческую целостность ландшафта.

А Кенозеро – сельскохозяйственный ландшафт. Он интересен живописными заливами озера и ухоженными крестьянскими полями, которые катастрофически зарастают, потому что люди ушли, и

испорчено, фиксируем виды, которые открываются от конкретного памятника, и то, что сохранилось от традиционной культуры. Сейчас наши сотрудники проводят такую работу в Дмитровском и Сергиево-Посадском районах Подмосковья.

Насколько я понимаю, точкой приложения ваших исследований является вся Россия. Какова же структура института, есть ли филиалы в регионах?

– Мы пробовали создавать филиалы, но у нас работают люди разных специальностей, а в филиалах неизбежно возникнет «флюс», то есть перекос в сторону одной из них, что сводило на нет все усилия.

Наша структура включает научные сектора, ориентированные на территории и направления исследований. Кроме того, есть системные сектора, например, комплексных программ сохранения и использования наследия. Есть сектор уникальных исторических территорий, сектор ландшафтов. Они занимаются организацией комплексных работ для музеев-заповедников и национальных парков.

Сохраняются традиции, которые возникли при создании института, например, программа «Русский Север», которая исследует Новую Землю, Вайгач, Соловки и другие места.

Еще направление – картографирование, создание национального атласа культурного и природного наследия. Это один из блоков общенационального атласа, создаваемого по решению правительства.

Разработка ведется и по отдельным регионам. Недавно мы выпустили карту культурного и природного наследия Шатурского района Московской области. Вроде там ничего особенного, но, если копнуть, открывается масса мест, связанных с замечательными людьми, старинные дороги, каналы, дамбы, узкоколейки, ареалы «черных лодок», утраченные поселения, фабрично-заводская промышленность, мифы... И пустая на первый взгляд карта оказывается весьма насыщенной.

Существуют ли где-нибудь в мире учреждения, подобные вашему?

который включен в структуру Министерства охраны окружающей среды. Сегодня нам нужно законодательство, регулирующее управление историческими территориями, без этого их не сохранить.

Как осуществляется финансирование института, удается ли реализовать продукты ваших исследований?

– Мы принадлежим Федеральному агентству по культуре и кинематографии. Через него осуществляется бюджетное финансирование. Кроме того, нас знают и делают нам заказы руководители заповедников, национальных парков, администрации регионов на разработку комплексных программ сохранения их культурного и природного наследия. Работаем и в интересах Москвы, но я называю наш институт провинциальным, потому что более всего трудимся для провинции.

Какие-то работы обеспечиваются грантами. Однако дополнительные доходы не превышают двадцати процентов, и основным источником нашего финансирования остается бюджет.

При вашей работе неизбежны трения с организациями, которые губят памятники. Располагаете ли вы какими-нибудь рычагами воздействия на них? Или вы «чистые» ученые?

– Работая с администрациями регионов, мы выдаем рекомендации, как поступать с теми, кто губит наследие. Традиционно лучшие связи у нас с руководителями районов, городов, то есть низовыми звеньями, теми, что ближе к земле. Наш принцип не уходить с территорий, где начинали работать, а вести там постоянный мониторинг. Помогаем, скажем, фольклорным ансамблям в творческих поездках – тоже своего рода рычаг воздействия.

Занимаясь практической наукой, мы имеем права «находиться над схваткой».

Как осуществляется подбор кадров для вашей «мегаотрасли»? Вот вы, директор, на каких принципах создавали научный коллектив?

– По знакомству. Пришли люди, которых мы знаем. Ядро коллектива сформировалось в 1992 году еще в Фонде культуры, и состояло из специалистов,

несмотря на мизерные оклады – ставка, например, заведующего сектором, кандидата наук не превышает трех тысяч рублей – молодежь к нам, как ни смешно, приходит. Выкручиваемся за счет заказов. Есть очень увлеченные молодые люди, особенно в области компьютерных технологий: они ищут новые подходы в нашей работе.

Я, наверное, плохой директор, потому что не даю на сотрудников, из-за чего порой набиваю шишки. Но мне представляется, если давить – работа не даст нужного результата.

Хуже другое: приходится заниматься делами, не имеющими отношения к науке. Несколько лет назад нас, что называется, продали. В 1992 году институту передали на баланс наше здание, причем Госкомимущество предложило аренду в размере коммунальных платежей. И вдруг выясняется: три года назад Госкомимущество перекупило здание на баланс организации ГУП «Сервис», связанной с силовыми структурами. Сегодня нам намекают: пора, мол, съезжать. В нашу защиту выступили министр культуры Александр Соколов, Председатель Совета Федерации Сергей Миронов, депутаты, советник президента по культуре Лаптев, однако чиновникам Госкомимущества, похоже, до этого нет дела.

Какова все же перспектива сохранения нашего культурного и природного наследия?

– У нас два врага: активная деятельность человека и... отсутствие человека в культурном ландшафте, который немедленно губит природа. Я по природе оптимист, но должен сказать, что потери у нас колоссальные, и они резко возрастают. Фольклор, например, вымирает повсеместно вместе со старшим поколением, и тут ничего не поделаешь. Катастрофически гибнут усадьбы. Деградируют сельские культурные ландшафты Центра и Русского Севера. Вы удивитесь, но советская власть за счет коллективизации сохраняла культурные ландшафты: главное было – распахать гектары!

Сегодня мы пытаемся сделать потери хотя бы не столь ощутимыми. Я стремлюсь к тому, чтобы национальных парков, музеев-заповедников стало как можно больше – ведь только они смогут сохранить эталоны уходящей природы и культуры.

Беседу вел Владимир ПОТРЕСОВ
Фото автора